

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Макаров С. С. Сюжетно-мотивные параллели в героических эпосах якутов, карачаевцев и балкарцев : испытания эпического героя / С. С. Макаров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 311—332. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-311-332.

Makarov, S. S. (2024). Plot-Motivational Parallels in Heroic Epics of Yakuts, Karachays, and Balkars: Trials of Epic Hero. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 311-332. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-311-332. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сюжетно-мотивные параллели в героических эпосах якутов, карачаевцев и балкарцев: испытания эпического героя

Макаров Семен Семенович

orcid.org/0000-0002-5751-5967

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник,

отдел фольклора,

корреспондирующий автор

others3@mail.ru

Институт мировой литературы

им. А. М. Горького

Российской академии наук

(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет

гранта Российского научного

фонда № 23-28-00655,

<https://rscf.ru/project/23-28-00655/>

Автор выражает благодарность профессору С. Ю. Неклюдову за консультации по монгольским фольклорным материалам и помощь в ознакомлении с соответствующей научной литературой.

Plot-Motivational Parallels in Heroic Epics of Yakuts, Karachays, and Balkars: Trials of Epic Hero

Semen S. Makarov

orcid.org/0000-0002-5751-5967

PhD in Philology,

senior research scientist,

Department of Folklore,

Corresponding Author

others3@mail.ru

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number 23-28-00655,

<https://rscf.ru/project/23-28-00655/>

The author wishes to express sincere gratitude to Professor S. Yu. Neklyudov for his invaluable consultations on Mongolian folklore materials and for his generous assistance in guiding the author through the relevant scientific literature.

© Макаров С. С., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются сюжетно-мотивные параллели в записях карачаево-балкарского и якутского эпосов. В центре внимания находится узловая для жанра тема испытаний эпического героя. Основная цель работы — исследование особенностей разработки совпадающих сюжетных мотивов в двух тюркоязычных повествовательных традициях, прояснение на этой основе интегральных черт их тематики и поэтики. Исследование основано на репрезентативном круге записей героического эпоса якутов, карачаевцев и балкарцев, выполненных на протяжении XIX—XX веков, а также эпических повествований других тюрко- и монголоязычных народов. Несмотря на значительную географическую и временную отдаленность двух тюркоязычных традиций, анализ выявляет значительное число совпадающих сюжетных ситуаций и образов, характерных для данных повествований. В работе исследуются особенности их воплощения и варьирования, прослеживаются возможные фольклорные связи и происхождение. Специальное внимание уделяется сюжетам: «стрельба в удаленный небесный объект», «искушение героя группой антагонистов», «камень, разрушающийся под ногами настоящего героя». Анализ текстов позволяет прийти к выводу о существенной близости концепции эпического героя в исследуемых традициях, бытовании в них широкого числа сюжетов и мотивов, общий источник которых, вероятно, локализовался в Центральной Азии.

Ключевые слова:

сравнительное эпосоведение; фольклор тюркских народов; карачаево-балкарский фольклор; нартский эпос; якутский фольклор; олонхо.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the plot and motivational parallels present in the heroic epics of the Karachay-Balkar and Yakut traditions. It focuses on a central theme that is vital to the genre: the trials faced by the epic hero. The primary aim of this study is to investigate the unique features of overlapping plot motifs within these two Turkic narrative traditions, thereby illuminating their thematic and poetic characteristics. The research draws on a representative corpus of heroic epic recordings from the Yakuts, Karachays, and Balkars, collected throughout the 19th and 20th centuries, as well as narratives from other Turkic and Mongolic-speaking communities. Despite the significant geographical and temporal distances between these traditions, the analysis reveals a noteworthy number of coinciding plot situations and motifs. This study delves into the nuances of their representation and variation, tracing potential folkloric connections and origins. Particular attention is given to specific plots, such as “shooting at a distant celestial object,” “the hero’s temptation by a group of antagonists,” and “the stone that crumbles beneath the feet of the true hero.” The textual analysis concludes that there is a remarkable similarity in the concept of the epic hero across these traditions, alongside a rich variety of plots and motifs that likely trace back to a common source in Central Asia.

Key words:

comparative epic studies; folklore of Turkic peoples; Karachay-Balkar folklore; Nart epic; Yakut folklore; Olonkho.

УДК 398.22 (=512.157)(=512.142)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-311-332

Научная специальность ВАК

5.9.4. Фольклористика

Сюжетно-мотивные параллели в героических эпосах якутов, карачаевцев и балкарцев: испытания эпического героя

© Макаров С. С., 2024

1. Введение = Introduction

В развитии сравнительных исследований фольклора заметную роль сыграли материалы по устным традициям тюркских народов. Благодаря своему многообразию, достаточно подробной документированности, бытованию до относительно недавнего времени в «живых» контекстах эти традиции дали замечательную эмпирическую базу для компаративных и типологических исследований повествовательного фольклора, и в частности развитого в культуре этих народов жанра героического эпоса. Активное включение в наши дни в научный оборот не публиковавшихся ранее архивных источников, усиление интереса ученых различного профиля и самих носителей традиций к текстам этнической культуры сообщают новую актуальность исследованиям этого материала.

Как известно, возникновение героического эпоса связывается с осознанием индивидуальных возможностей человека, и не в последнюю очередь — его физических способностей [Боура, 2002, с. 15—22]. Неслучайно «проверка» центрального персонажа различных героических повествований на его соответствие критериям во многом универсального воинского стереотипа, ведущее место среди которых занимают сила, ловкость, умение быстро преодолевать расстояния, становится обязательной и часто наиболее объемной частью эпических сюжетов. Эти типологически единые для жанра героического эпоса элементы, формирующие «ядро» его содержания, вероятно, и реализовывали в традиционной ситуации основные дидактические, развлекательные, а прежде и ритуальные его функции. Они же могут быть рассмотрены и как показательный материал для сравнительного изучения эпических традиций.

Настоящая статья посвящена анализу сюжетно-мотивных параллелей в эпическом фольклоре двух тюркоязычных народов — якутов, карачаевцев и балкарцев. Типологическое сходство и сюжетные совпадения эпосов тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии и карачаево-бал-

карской «Нартиады», не раз отмечались исследователями. Бесспорными, в частности, предстают соответствия на уровне персонажных систем, сюжетных мотивов эпосов, а также их заметная стадияльная близость [Хаджиева, 2018; Малкондуев, 2013 и др.]. Работа проведена в рамках научного проекта, нацеленного на специальное исследование интегральных черт карачаево-балкарской и якутской эпических традиций, проявление их типологического соотношения и этнокультурного своеобразия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Карачаево-балкарская «Нартиада» является одной из этнических версий общекавказского круга сказаний о богатырях-нартах, ближайшие фольклорные параллели для которой обнаруживаются в традициях других народов Кавказа, в их контексте она преимущественно и исследована, также она рассматривалась в сопоставлении с тюрко- и монголоязычными традициями Центральной Азии.

Героический эпос якутов (или олонхо), в свою очередь, несмотря на довольно длительный период развития вдали от основного тюркского этнокультурного континуума, обнаруживает системные сходства с кругом южносибирских традиций, естественным продолжением которых он, в сути, и является.

Обращение к сравнительному исследованию этих, на первый взгляд, значительно удаленных друг от друга территориально и исторически эпических традиций, тем не менее имеет свои основания. Являясь модификациями изначально единого фольклорного комплекса, сформировавшегося в главных своих чертах предположительно на территории Центральной Азии, карачаево-балкарская «Нартиада» и якутские олонхо иллюстрируют различные возможности развития тюркского героического эпоса. Их компаративное исследование позволяет выявить общие и, вероятно, наиболее архаичные пласты в сюжетах обеих эпических традиций. Результаты работы также могут дать новый материал для расширения имеющихся реконструкций общетюркской мифологической системы и палеофольклора.

В соответствии с этим в работе реализованы принципы сравнительного, сравнительно-типологического исследования эпических сюжетов, разработанные в трудах С. М. Боура [Боура, 2002], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 1968], Б. Л. Рифтина [Рифтин, 1970], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов, 1984]. Особое значение приобрели работы по компаративному изучению и стадияльной типологии тюркского эпоса В. М. Жирмунского [Жирмунский, 1974], И. В. Пухова [Пухов, 2004], К. Райхла [Райхл, 2008].

Вопрос о сюжетных связях карачаево-балкарского и тюрко-монгольских эпосов (в том числе якутского) ранее обсуждался в работах А. З. Хо-

лаева [Холаев, 1974] и Т. М. Хаджиевой [Хаджиева, 1994; Хаджиева, 2018]. Специальное внимание в них уделено сравнению демонологических персонажей в двух традициях, продемонстрирована плодотворность сравнительного изучения их сюжетов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В исследуемых эпосах помимо предсказуемого совпадения достаточно общих тем, характерных для поющих героических повествований в целом (чудесное рождение и рост героя, обретение им богатырского коня, борьба и победа героя над демоническим противником и т. д.), определяется и круг некоторых специфичных сюжетных ситуаций и событий, показательных в отношении их «точек схождения». Масштаб этих элементов различен: от лаконичного мифологического представления, содержание которого может быть изложено простым утвердительным предложением¹, до объемных, достаточно сложных сюжетов, также получающих свою разработку в обеих этнических традициях².

Мы выделили три достаточно показательных мотивных комплекса, соответствующие избранной теме. Все они направлены на обоснование «истинности» героев-протагонистов, в обеих традициях так или иначе понимаемых как предки и зачинатели этнической (в перспективе архаического эпоса — всей человеческой) культуры. Приведем разбор их семантики и возможных фольклорных связей.

3.1. Состязание героев в стрельбе из лука в удаленный объект в небе

Как известно, умение владеть оружием с самого раннего детства, точно стрелять в цель является одним из отличительных признаков эпического героя [Жирмунский, 1974, с. 248]. Определения *алт*, *мерген* ‘меткий’ и синонимичные им слова включаются в качестве постоянных эпитетов в имена многих героев тюрко-монгольских эпических повествований. Помимо своего основного значения они приобретают в разных языках дополнительные смыслы, формирующие в совокупности целостный стереотип

1 К таким элементам может быть отнесен, например, мотив наличия в груди истинного героя нескольких сердец. Он имеется, в частности, в нартском сказании об Алаутане [Нарты ..., 1994, с. 401] и в якутском предании о юноше-хосуне Чааппара [Исторические предания ..., 1960, ч. 1, с. 187].

2 Укажем в этом отношении, например, на адаптации сюжета АаTh 1137, повествующего о приключениях героя в плену у одноглазого великана, ср. карачаево-балкарские сказания «Ёрюзбек и одноглазый эмеген», «Сосурук и одноглазый эмеген — пастух коз» [Нарты ..., 1994, с. 338—339, 380—381], якутский вариант «Фома Тостоков» [Якутские сказки ..., 1967, с. 186].

воина: ‘отважный, храбрый, смелый’, ‘герой’, ‘находчивый’ и т. д. [Сравнительно-историческая грамматика ..., 1997, с. 560].

Обращает на себя внимание тот факт, что и в якутском, и в карачаево-балкарском языках сохранилось тюркское имя для боевого лука с колчаном — *саадах*, *садакъ джая* соответственно [СЯЯ, т. 2, стлб. 2022; КБРС, с. 533]. Стрельба из лука как действие и как характерная метафора, выражающая присутствие и активность эпического героя, занимает особое место в топике героических сказаний этих народов.

В одном из сюжетов карачаево-балкарской «Нартиады» находим следующее описание состязания нартских воинов, устраиваемого для них их соратником и главой Ёрюзмеком:

... Ёрюзмек укрепил на небе иголку и сказал:

— Кто попадет [в игольное ушко], тот вместо меня станет предводителем нарттов.

Воины Карашауая, Сосурука и Ёрюзмек начали состязание. Но никто не смог попасть [в цель]. В конце, [когда очередь дошла до Ёрюзмек], Ёрюзмек метнул [стрелу] и сбил иголку.

— Тебе и быть главой, — сказали [нарты]... [Нарты ..., 1994, с. 492].

Можно заметить, что по своему содержанию данная сюжетная ситуация фактически представляет собой реализацию «формулы невозможного», когда настоящий герой своей стрелой перебивает невероятно мелкую цель. Это довольно характерно для поэтики карачаево-балкарских сказаний. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что мотив соревнований в стрельбе из лука фигурирует в данном сюжете как замкнутая в себе часть обучения и испытаний молодых воинов. Впрочем, для этого мотива возможно предположить изначальную несколько иную — матримонильную (связанную с кругом брачных испытаний героя) семантику. На это указывают и внутренние характерные для данной этнической традиции, и внешние, инокультурные сюжетно-тематические параллели.

Так, в другом сюжете карачаево-балкарской «Нартиады» находим схожий по структуре эпизод «испытания»: нартский герой Болат-Хымыч оказывается на турнире у аварского хана, готового выдать свою дочь за того, кто попадет издали стрелой в иголку, воткнутую в зеркало [Нарты ..., 1994, с. 576].

Появляющаяся и здесь символика иглы (вероятно, как типично женского орудия), по всей видимости, является вариантом более ранних версий мотива, который находит и другие воплощения в родственных традициях. Важными для их интерпретации, как кажется, становятся такие признаки упомянутых предметов, как малый размер, острота (для иглы),

гладкая фактура, способность отражать свет и визуальная бездонность (для зеркала).

Согласно многим карачаево-балкарским сказаниям, одним из самых метких стрелков среди нартских героев являлся Сосурук — рожденный чудесным образом сын Сатанай. Судя по имеющимся записям, с именем этого героя в традиции часто связывался мотив стрельбы по небесным объектам. «А остры ли стрелы Сосурука? / Его стрелы до звезд долетают, / Упав оттуда, крепости пробивают», — поется в одной из нартских песен [Там же, с. 374]. В других текстах этому чудесному действию может придаваться подчеркнуто будничным, утилитарный смысл: «В древние времена нарты зажигали огонь так: они вырывали с корнем огромное сухое дерево и поджигали его, поднеся к солнцу, или разводили костер, сбив стрелой с неба звезду», — сообщается в начале одного из сказаний [Там же, с. 367]. Встречающемуся в этих примерах мотиву стрельбы в звезды в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев посвящаются и более развернутые сюжеты.

В числе ярких фрагментов сказаний можно назвать, в частности, описания состязаний нартских богатырей. Сосурук и другие герои стреляют по Полярной звезде (кар.-балк. *Темир-Къазыкъ* ‘Железный кол’) — по традиционным представлениям, центр всей небесной сферы, или же в «осколок зеркала», прикрепленный к этой звезде [Там же, с. 310]. Как известно, это единственный статичный астрономический объект во всем Северном полушарии, практически совпадающий с осью вращения ночного неба. Как отмечал еще Г. Н. Потанин, «неподвижное положение этой звезды среди других движущихся звезд подало повод смотреть на нее, как на основу правильного движения звезд, как на залог мирового порядка; мир движется правильно, пока Полярная звезда сохраняет свое положение; если пошатнуть ее, конец мировому порядку...» [Потанин, 1899, с. 742].

Это небесное тело имеет богатые мифологические ассоциации в мировом фольклоре. В традициях других тюркских народов имеются разнообразные представления о Полярной звезде, сохранившей во многих языках северной Евразии название «Небесный кол», в тюрко-монгольском ареале чаще — Железный (или Золотой) кол (*Темир- / Алтын-Казык*). Например, согласно текстам хакаской традиции, вокруг этой звезды ходит на приколе «вороня кобыла» (Малая медведица) [Бутанаев, 1975, с. 235], в орнаменте ногайских войлочных ковров изображение пятиконечной Полярной звезды, как и в целом ряде иных традиций, знаменует вершину мирового древа Байтерек, оси и несущей структуры мира [Каноква, 2016, с. 168], в алтайском шаманизме звезда мыслилась как шестая сфера неба — своеобразная «резиденция» бога Ульгения, до которой дозволялось доходить шаману и оставлять там ему свои дары [Анохин, 1924, с. 9]; в целом ряде

культура Полярная звезда — коновязь, к которой привязаны два коня небесного повелителя [Березкин и др., 185А].

В контексте анализируемого мотива обращают на себя внимание сюжеты с матримониальной темой, в которых те или иные астральные объекты наделяются соответствующими гендерными чертами.

В одном из нартских сказаний юному Ёрюзмеку удается выполнить трудное задание: «...в блестевший на Полярной звезде / Осколок зеркала свою стрелу метнул. / Прямо в середину попав, вдребезги [зеркало] разбил. / Осколочки [его] с неба / На людей посыпались...» [Нарты ..., 1994, с. 310]. В данном варианте стрельба из лука выглядит испытанием силы и меткости героя, в других традициях за этим действием проглядывает другой подтекст. Рассмотрим семантику этого сюжета в контексте сюжетов и образов тюркского эпического фольклора.

По этнографическим данным, в якутской традиции (обрядов, народной мантике) стрела являлась обобщенным символом мужского начала. Например, в толкованиях сновидений стрела интерпретировалась как знак, предвещающий рождение сына [Каженкин, 2000, с. 57]. В текстах эпоса и мифологических рассказов якутов стрела выступает символическим «заместителем» героя, а лук — атрибутом, показывающим среди прочего силу и рост богатыря. ...*Санныгар саалаах саадабын иилиммитинэн айыллыбыт... Көмүс Чүчүлээн бухатыыр* [Ала Булкун ..., 1994, с. 33] (Сотворенный накинувшим свой лук и колчан через плечо), — говорится об одном из богатырей олонхо). Уезжая из дома, герой якутского эпоса, как и персонажи некоторых других тюрко-монгольских эпосов, нередко оставляет домочадцам стрелу, которая будет показывать остающимся его дальнейшую судьбу, см., например: [Емельянов, 1980, с. 43, 50].

В устной традиции якутов был популярен и другой сюжетный мотив о том, как заезжие воины примериваются к висящему у дома в отсутствие самого героя луку. В устном предании о силаче Бэрт Хара противники, намеревавшиеся сразиться с героем, испытывают сильное смятение, не сумев натянуть ни на малую толику тетиву его мощного лука [Исторические предания ..., 1960, с. 133]. «Обращенный» вариант этого мотива находим в сюжете олонхо «Дева-богатырка», в котором героиня поочередно сражается с тремя демоническими богатырями: каждый раз, подходя к их жилищам, она пробует натянуть висящий у дверей лук [Кыыдааннаах кыыс ..., 2016, с. 108—140]. Перестрелка богатыря с противником зачастую заменяет в олонхо контактный бой.

Вполне закономерно, таким образом, что одним из основных испытаний героя в сюжетах якутского эпоса также становится соревнование в меткости с другими богатырями. Своеобразной квинтэссенцией этой

темы в олонхо оказывается сюжет о стрельбе героев в висящий в небе на краю земли *золотой мячик* (ср. с образом *зеркала* в карачаево-балкарской традиции), представляющий собой душу (*кут*) девушки-невесты, за руку которой и конкурируют богатыри. «Если отдам [дочь] кому-то одному — великая вражда зародится ... пусть тот, кто имеет удачливые пальцы, меткий глаз ... прострелит насквозь его сердцевину. Тому и суждено взять ее в жены...», — говорит отец девушки, устроитель испытания [Элик Ботур ..., с. 359—360] (перевод наш. — С. М.). Естественно, именно стрела героя и попадает в эту трудную мишень; поймать и увезти ее обычно помогает его богатырский конь.

Подробный анализ этого сюжета в контексте пространственной образности якутского эпоса дан Л. Н. Семеновой [Семенова, 2006, с. 137—151]. Образ виднеющегося из-за облаков крошечного мяча, согласно проведенному исследовательницей разбору, концентрирует в себе основные семантические характеристики девушки-невесты в олонхо: пространственную удаленность, статичность, связь с плодородным началом. Меткая стрельба же по мячу из лука, производимая героем, учитывая богатый ритуально-мифологический контекст данного жеста, прочитывается как знак осуществления брака, соединение мужского и женского начал.

В ряде вариантов вместо *золотого мяча* может фигурировать *шерстяной мяч*, см., например: [Мүгүлү Бөбө ..., 2010, с. 90]. Этот образ на фоне приведенных выше мотивов тюркских мифологических традиций выглядит поздней региональной новацией, обусловленной наличием схожего по семантике образа в мифоритуальной традиции якутов. В частности, он находит себе параллель в нарративах и обрядовых действиях, в которых смятый в шар комок шерсти выступает знаком плодородия и изобилия [Емельянов, 1980; Романова, 1999, с. 241—243]. В этот же символический ряд укладывается образ подвешенного между небом и землей светлого камня, подобного *ййцу*, на который садится юная девушка — будущая невеста героя [Емельянов, 1980, с. 163].

Появляющиеся также в сюжетах якутского эпоса на месте *шерстяного мяча* образы *золотой бабки* (надкопытный сустав животного, по форме напоминающий фигурку человека) и *золотого кольца* оказываются не менее примечательными. Они позволяют связать рассматриваемый сюжет с его региональными и международными контекстами. Два последних образа, в частности, явственно указывают на связь сюжета с широко распространенным в Южной Сибири и Монголии мифологическим сюжетом небесной охоты или погони, персонажи которой, как правило, действуют в небе именно вокруг Полярной звезды, и семантически близким ему мотивом богатырской стрельбы в астральный объект [Березкин и др., 185А].

Есть основания предположить, что протовариант всех этих сюжетов сложился изначально в Центральной Азии — общем истоке обеих рассматриваемых и иных тюркских и монгольских фольклорных традиций. На это указывают совпадения, обнаруженные нами в фольклоре других сибирских и центральноазиатских народов.

В частности, весьма близкая параллель им обнаруживается в бурятском эпосе о Гэсэре. Рассматриваемая сюжетная ситуация возникает здесь дважды: в одном случае герою в облике мальчика-оборванца предлагается метнуть стрелу в *золотой диск* [Гэсэр ..., 1986, с. 129] (ср. с аналогичным мотивом олонхо), второй раз — в *золотое кольцо* молодой девушки-невесты, подвешенное на солнечном луче [Гэсэр ..., 1986, с. 141], что в целом говорит об укорененности мотива в этом регионе.

Особый интерес привлекает сюжет алтайского героического эпоса «Маадай-Кара», согласно которому звезда Золотой Кол — единственная дочь Ай-Каана (месяц) Алтын-Кюскю, что буквально означает ‘Золотое зеркало’. Совпадающей с содержанием анализируемых сюжетов оказывается и локализация этой эпической красавицы: «на грани неба и земли, где день сливаются и ночь...» [Маадай-Кара ..., 1979, с. 170].

Примечательно, что в некоторых тюркских языках Южной Сибири слово *казык* и его аналоги (в частности, в тув. *кажык*, хак. диал. *кызык*, алт. диал. *кажык*) имеют также значение ‘лодыжка, щиколотка, бабка (надкопытный сустав)’ [Ооржак, 2022, с. 162], тем самым слово семантически совпадает с якутским *сы(а)бай*, с которым, возможно, имеет и этимологическую связь (ср. формы *ašuk*, *ašik* ‘бабка, игра в бабки’ и т. д. [Татаринцев, 2004, т. 5, с. 58]). Если эту региональную лексическую черту экстраполировать на тюркские лингвокультуры в целом, то проявляется интересная языковая и образная связка между эпическими мотивами стрельбы в золотую бабку животного и в Полярную звезду, объясняющая возможный переход между ними в результате лексической реинтерпретации.

Таким образом, есть достаточные основания рассматривать мотив стрельбы в сияющий небесный объект (неподвижную звезду, золотой диск и т. д.), встречающийся в карачаево-балкарском и якутском эпосах, как различные этнические рефлексы одного и того же фольклорного сюжета, имеющего непосредственную связь с астральной мифологией алтайских народов и относящегося к общему и, вероятно, довольно раннему пласту их традиционных представлений.

3.2. Искушение странствующего героя группой антагонистов

Данный мотив связан с более общей темой оборотничества антагонистов, предполагает появление зрительной иллюзии и, вероятно, развился в традициях независимо. Его структура имеет следующий вид. Герой

странствует в одиночестве вне пределов «своего» пространства. На его пути встречается группа незнакомцев (в некоторых примерах они изображаются как обманчиво похожие на представителей родного для него сообщества). Герою предлагается угощение, он поддается уговорам незнакомцев провести с ними время, отдохнуть в их стане. Основной причиной такого решения оказывается любовный соблазн: в легионе демонов имеется привлекательная для героя молодая женщина. Как правило, от беды героя спасает советчик (конь, мудрая жена); в некоторых случаях герой все же поддается соблазну.

В карачаево-балкарской традиции в роли персонажей-искусителей выступают *шайтаны* или *джинны* (мифологические персонажи — злые духи в исламских традициях), зазывающие нарта Ёрюзмек на свой свадебный пир. Этот сюжет записан в нескольких вариантах, встречается и как часть крупных сказаний, и как самостоятельный сюжет [Нарты ..., 1994, с. 351—355].

Инициальным событием всех имеющихся вариантов является отправление Ёрюзмек из дома, при этом причина самой поездки может быть различной (приглашение на другой *той*, случайно увиденные в долине костры, которые нельзя обойти стороной нарту, и т. д.), в пути герой встречает группу богато пирующих людей. Демоны приветствуют Ёрюзмек, просят его спешиться, приглашают в общий танец и на трапезу. Более ранним с точки зрения эволюции сюжета выглядит вариант, в котором герой не сразу распознает истинную природу пирующих.: ...*Ёрюзмек не сразу догадался, что они шайтаны, / Он их кривых ног и рогов не заметил... А одна красивая девушка настойчиво предлагает: «Возьми меня [в жены]»* [Там же, с. 354]. Герой подпадает под влияние чар антагонистов, на мгновение теряет волю: «...с шайтанами пляшет: / Скажут: “Направо” — в правую сторону танцует, / Скажут “Налево” — в левую сторону танцует...» [Там же]. Его спасает лишь поездка домой для совета с женой и клятвы во что бы то ни стало вернуться к рассвету. Мудрая Сатанай задерживает мужа до наступления дня [Там же, с. 353] (по традиционным представлениям, *шайтаны* были видны людям только в темное время суток).

В некоторых вариантах вещая Сатанай знает заранее, какие испытания предстоят Ёрюзмеку. В сказании «Как Ёрюзмек побывал на тое нартвов и на тое шайтанов» она придумывает, как спасти мужа от опьянения на пире нартвов; и, по-видимому, она же предупреждала его о том, как избежать опасности и вести себя на тое *шайтанов*. По примечанию собирателей и публикаторов записи, сказитель скорее всего пропустил или забыл этот фрагмент в рассказе, но показателен момент, когда Ёрюзмек не дает демонам привязать своего коня, а делает это самостоятельно [Там же, с. 351—352, 621; с. 353]. Исторически это может быть связано с грозящей герою

в демоническом стане опасностью и необходимостью иметь возможность уехать из него в любой момент. В рассматриваемом варианте, впрочем, сам нартский герой доставляет неудобство демонам: он не соглашается отпустить понравившуюся ему девушку до самого наступления утра, когда *шайтанам* уже пора скрываться. За согласие отдать красавицу Ёрюзмек получает в качестве откупа чудесный предмет — шапку-невидимку.

Известны также варианты сюжета, в которых герой вполне реализует свое намерение — увозит дочь падишаха *джиннов* с пира и живет с ней в лесной пещере, пока мудрая Сатанай не находит способа вернуть мужа домой [Там же, с. 352—353]. Как можно заметить, начальный и конечный фрагменты рассматриваемого сюжета могли варьировать в традиции, наиболее же стабильной частью нарратива оказывается интересующая нас ситуация столкновения героя с любовным наваждением в сонме демонических персонажей.

Примечательно, что сюжет о встрече героя с *шайтанами* связывался в карачаево-балкарской традиции именно с образом нарта Ёрюзмек. По традиционным представлениям, видеть *шайтанов* могли только враждующие с ними мифологические персонажи *алмосту*, а также волки [Там же, 1994, с. 581]. С последними у Ёрюзмек имеется безусловная связь, она выражается не только в его постоянном атрибуте — носимой им нараспашку волчьей шубе, согласно некоторым сказаниям, герой в младенчестве был вскормлен волчицей и имел в детстве прозвище *Бёрю эмчек* — ‘Волчий выкормыш’ [Там же, 1994, с. 308—309]. Исследователи небезосновательно полагают, что в его образе нашли отражение реликты раннего общетюрко-монгольского культа волка [Хаджиева, 1994, с. 36]. В свете этих представлений встреча Ёрюзмек с пирующими *шайтанами*, попытка его соблазнения девицами этого племени, предстает вероятным «осколком» более архаичных повествований об этом герое.

Якутская версия аналогичного сюжета также выступает как один из эпизодов испытания героя, проверки его воли и находчивости. Содержательно эти повествования отчасти близки мифологическому мотиву F40B. «Мужчина в селении женщин» [Березкин и др.], поскольку в местности, в которой останавливается странствующий герой, как правило, он оказывается окружен одними женщинами (впрочем, варианты этого мотива мало характерны для северо-сибирского фольклорного ареала). Уставшего от дороги и изнуренного сильной жарой богатыря встречает в пути красивая молодая женщина в сопровождении восьми девушек-прислужниц. В руках ее — сосуд, наполненный прохладным кумысом. Женщина приглашает героя спешиться, угоститься и отдохнуть у нее с дороги. Богатыря выручает его конь: как и мудрая жена и советчица героя нартского эпоса, в некото-

рых вариантах он предупреждает героя о близкой опасности, а в момент, когда богатырь уже готов спешиться, поддавшись искушению, он уносит его прочь быстрым галопом. Прекрасная женщина тотчас превращается в разъяренную демоницу, а солнечная страна и накрытый пир оказываются огромными красными гадами [Дырай Бэргэн, 2009, с. 113—118].

В других вариантах герой поддается демоническому соблазну, что становится завязкой нового сюжетного хода. Так, например, в популярном в прошлом в якутской традиции эпическом сюжете о богатыре Эр Соготохе в результате попадания героя в подобную ловушку рождается богатырь «смешанного» происхождения (получеловек-полуабаасы) Харыаджылан Бэргэн, который, впрочем, подобно карачаево-балкарскому герою Карашауаю, принимает родоплеменное самоопределение отца [Могучий Эр ..., 1996, с. 214—221].

Следует отметить, что в целом в сюжетах якутского эпоса представители враждебного племени проявляют заметный брачный интерес к людям «солнечного мира». Так, притязания богатыря *абаасы* к племени людей *айыы* практически всегда связаны с брачными намерениями антагониста; разнообразные демонические женщины Нижнего мира также зачастую преследуют героя олонхо в его пути, стремясь завлечь его к себе. Рассматриваемый элементарный сюжет, безусловно, находится в рамках этой же тематической константы якутского эпоса. Мы не находим специальной акцентуации подобного представления в карачаево-балкарской эпической традиции, хотя и в ней встречаются сюжеты о браке героя с демоницей из враждебного племени [Нарты ..., 1994, с. 403—421]. Любопытно, что в обеих традициях рассматриваемый элементарный сюжет получает двойное разрешение (герой поддается / не поддается любовному искушению), что, вероятно, говорит о схожих принципах сюжетосложения, лежащих в их основе.

3.3. Камень, разламывающийся под ногами настоящего героя

Еще один общий для карачаево-балкарского и якутского героического эпосов мотив «испытания» героя составляет задание расколоть, сокрушить (обычно ногами) крепкий камень-валун. Распространенность данного мотива и разнообразие вариаций также позволяют предположить его достаточно древнее и единое для тюркских (а возможно, и монгольских) народов происхождение.

В сюжетах якутских олонхо находим следующую ситуацию. Старуха-телятница, первой встречающая богатыря у дома родителей его будущей невесты, рассказывает о прибытии важного гостя своим хозяевам и подсказывает им способ испытания героя на «богатырство». По ее указке юноши-прислужники проделывают в доме следующие действия:

*... Принесли круглый и массивный камень
Размером с живот лежащей коровы,
Покрыли его следами семи молодых коров.
Чтобы увечье случилось, копьё [рядом] поставили,
Чтобы спор начался, пальму (то есть клинок. — С. М.) крепко всади-
ли...* [Кэнэли Хаадыт ..., 2010, с. 255] (перевод наш. — С. М.).

При этом, по словам служанки, если гость добрым богатырем окажется, то легко расколется ногами камень, «как охлажденную кобылью печень»; если же поскользнется и расшибет себе затылок, то он слабый человек, недостойный стать зятем, а годный разве что для черной домашней работы.

В приведенном описании обращают на себя внимание детали. В тексте отмечается, что округлый камень, используемый в испытании героя, был «размером с живот лежащей коровы». Это довольно традиционный для олонхо сравнительный оборот: так может говориться, к примеру, о боевом каменном ядре героя [Ньургун Боотур ..., 1947, с. 88] или о его точильном камне [Мүлдү Бөбө, 2012, с. 141]. В основе выражения — традиционная мера объема «коровья брюховина», обычно использовавшаяся для измерения количества добытой неводом мелкой рыбы [СЯЯ, т. 3, стлб. 3376]. В данном случае выражение, вероятно, используется для обозначения величины, массивности описываемых объектов.

Камень, принесенный для испытания героя, покрывают следами нескольких молодых коров — вероятно, чтобы сделать гладкую поверхность еще более скользкой. Несколько нарочитое наложение в разбираемом образе сем, ассоциированных в представлении якутов с рогатым («черным», «земным») скотом, может быть связано и с идеей устойчивости и прочности камня-валуна, его спаянности с самой землей. Образы расставляемых рядом острых орудий выглядят при этом индивидуальным новаторством сказителя, они не находят повторений в других сюжетах олонхо. Разумеется, герой, как настоящий богатырь, легко проходит это своеобразное испытание.

Олонхо, содержащие этот сюжет, были записаны, судя по имеющимся у нас данным, большей частью в западной части Якутии, на левобережье Лены и в вилуйской группе улусов (Вилуйский, Горный районы). В текстах центрально-якутской традиции нам не удалось его найти, однако и здесь обнаруживается сам характерный мотив-действие — разрушение камня-валуна под ногами богатыря (см., например, описание взлета при возвращении «небесного» богатыря Атыыр Умсуура в свой мир [Тойон Ньургун ..., 2003, с. 70]).

Аналогичное по своей сути испытание (впрочем, не всегда связанное с брачными коллизиями) в других тюрко-монгольских традициях могут

предлагать герою различные иные персонажи: отец девушки-невесты, иноземный хан или статусный воин-соплеменник. В карачаево-балкарском эпосе им выступает «отец нарттов», воин и кузнец Дебет. Встретив юного Ёрюзмека и предлагая ему различные нартские игры, он объясняет герою в том числе:

— ... *Вот этот широкий камень никто не может расколоть, надавив коленом.*

<...> Юноша подошел... Потом он надавил коленом тот широкий камень и разломал его, словно гыржын (традиционный вид хлеба. — С. М.)... После всего этого нарты поняли, что этот мальчик-сирота будет настоящим батыром... [Нарты ..., 1994, с. 310].

Как можно заметить, содержание этого отрывка также составляет описание «чуда», когда под ногами истинного героя с легкостью разламывается огромный камень. Разрушение, раскалывание массивных каменных глыб — вообще один из показателей богатырской силы и удалы в тюркском и монгольском фольклоре, свойственной «настоящим» героям. Интересно, что территория его распространения во многом совпадает с ареалом бытования мотива о стрельбе богатыря в астральный объект, рассмотренный выше. Разрушают или иначе сокрушают большие камни-валуны герои татарского [Идегей ..., 1990, с. 194], тувинского [Боктуг-Кириш ..., 1997, с. 375], шорского [Кан Перген ..., 1998, с. 310] эпосов. В качестве брачного испытания это действие выполняется героями алтайского [Маадай Кара, 1979, с. 190], бурятского [Гэсэр ..., 1986, с. 128—129; Бурчина, 2007, с. 61, 229] эпосов. При этом герой алтайского эпоса разламывает валун ногой, богатырю бурятских же сказаний предлагается «камень с быка огромного... одной стрелой рассечь», что, однако, можно интерпретироваться как варьирование этой же мифологической идеи (вспомним представление о своеобразном тождестве героя и его стрелы).

Семантику рассматриваемого мотива, по всей видимости, следует связывать с наиболее очевидным в данном случае и достаточно распространенным в фольклоре представлением о богатырской мощи и силе, присущей эпическим героям, непосредственным проявлением которой является незаурядный рост и вес персонажа. Эта идея плодотворна и разнообразно реализуется в обеих рассматриваемых нами традициях. Следует вспомнить богатыря-нарта Рачыкау, под ногами которого также легко трескаются камни, кузнеца Дебета, которого способен поднять только особый — богатырский — конь, нарта-исполина Алаугана, с которым может жить только такая же мощная, как и он, женщина-эмегенша (*эмегены* — соседи и постоянные враги героев в карачаево-балкарском нартском эпосе; описыва-

ются как огромные грубого вида антропоморфные существа, населяющие пещеры и обладающие большой физической силой). Показательны и мотивы якутского эпоса, например, повторяющееся в сюжетах олонхо описание ситуации, когда не выдерживает веса героя и разламывается под ним лавка в доме других людей, богатырь от неловкости момента, как правило, не вызывает неудобства, а продолжает сидеть, опираясь на свои подколенки, см. [Тонг Саар ..., 2003, с. 66—67; Уолусхан улаан ..., 2015, с. 57]. Представляется, что этот частный, на первый взгляд, мотив также призван был указать на эту же достаточно архаичную и распространенную идею.

Одновременно с этим обращает на себя внимание и оттенок смысла разбираемого действия (раскалывания камня), связанный со значимым для жизни героя событием, знаменующим преодоление им той или иной важной «биографической» или социально-возрастной вехи. Как известно, из треснувшего камня в карачаево-балкарской версии «Нартиады» появляется на свет нарт Сосурук, у каменного столба божества судьбы благословляют на богатырство героя якутского эпоса светлые шаманки Верхнего мира (см.: [Емельянов, 1980, с. 229].), треснувший на глазах у богатыря олонхо камень-валун открывает ему проход в Нижний мир [Yөлэн Кыырдыт ..., 2009, с. 31] и т. п.

Учитывая подобную семантику мотивов, связанных с камнем, уместным оказывается вопрос об их параллелях и возможных истоках в обрядовой традиции. В литературе обнаруживается лишь одно более или менее близкое по своему значению ритуальное действие, описанное на некоторой периферии якутской традиции — в с. Ессей бывшего Эвенкийского автономного округа (ныне Эвенский район Красноярского края), населенном локальной группой якутов. Исследовательская группа якутских ученых застала церемонию традиционного сватовства, в ходе которой жениху предлагалось на входе в дом родителей невесты переломить ногой специально выставленную палку. Положительным знаком при этом считалось, когда палка легко переламывалась под женихом. По свидетельству лингвиста М. С. Воронкина, наблюдавшего за ритуализованным действием, такая практика применялась здесь в прошлом регулярно. С ней связывал значение рассматриваемого мотива олонхо эпосовед Н. В. Емельянов, благодаря которому и стали известны эти сведения [Емельянов, 1990, с. 130]. Учитывая представленность мотива в разных тюрко- и монголоязычных традициях, мы могли бы предположить широкую распространенность схожего ритуального действия в культуре этих народов в прошлом, однако пока эта идея не поддерживается этнографическими данными. Возможно, более пристальное исследование материалов по изучаемым традициям, в том числе локальных, в дальнейшем позволит выдвинуть более определенную гипотезу на этот счет.

4. Заключение = Conclusions

Героические фольклорные повествования (богатырская сказка, героический эпос, некоторые сюжеты мифологической прозы), ядро которых составляют описания подвигов, совершенных некогда героями, в своей общей тематике несут определенные сюжетообразующие узлы, способные развиваться независимо в различных культурах в конкретные совпадающие сюжетно-мотивные комплексы. Например, типологический характер предполагается в имеющих международное распространение сюжетных типах «Бой отца с неузнанным сыном», «Муж на свадьбе своей жены» и др. Рассмотренные в настоящей статье совпадающие сюжеты в героико-эпическом фольклоре якутов, карачаевцев и балкарцев, однако, вероятно, следует связывать с общностью этнокультурных истоков этих традиций.

В качестве главного вывода, следующего из проведенного анализа, можно выдвинуть замечание о значительном сходстве концепций эпического героя в изучаемых традициях. Близость характера предлагаемых герою-протагонисту испытаний позволяет говорить о единстве принципов его характеристики и в конечном итоге — обобщенных фольклорных представлений о нем в обеих традициях.

Описанный круг брачных испытаний богатыря, включающий стрельбу из лука в небесный объект, раскалывание камня-валуна и третье (вариативное) задание и обнаруживаемый в ряде саяно-алтайских, прибайкальских традиций и карачаево-балкарской «Нартиаде», а в виде разрозненных сюжетов и в якутских олонхо, свидетельствует о его вероятном давнем происхождении, возможно, относящемся еще к эпохе пратюркской общности. Другим возможным объяснением представляется влияние фольклора монгольских народов, так как все эти традиции в позднесредневековое время контактировали с различными монголоязычными группами, испытали их культурное воздействие. Обращает на себя внимание, например, то обстоятельство, какую важную роль стрельба из лука как означиваемое действие играла в свадебных обрядах монгольских народов [Урай-Кёхальми, 1974].

В заключение подчеркнем, что каждый из рассмотренных в статье сюжетов, безусловно, требует отдельного более пристального исследования. Особого внимания заслуживает организующая роль внесюжетных явлений: лексических форм и их переходов, семиотизации астральных объектов и традиционно связываемых с ними мифологических рассказов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Ала Булкун* : якутское олонхо / сказ. Т. В. Захаров-Чээбий. — Якутск : Сахаполиграфиздат, 2008. — 101 с.
2. *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910—1912 гг. / А. В. Анохин // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. — Ленинград : [б. и.], 1924. — Т. 4. — Выпуск 2. — 148 с.
3. *Березкин Ю. Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитический каталог [Электронный ресурс] / Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. — Режим доступа : <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 05.04.2024).
4. *Боктуз-Кириш*, Бора-Шэлей / сказ. О. Н. Манная // Тувинские героические сказания. — Новосибирск : Наука, 1997. — С. 299—527. (на тув. и рус. яз.).
5. *Бурчина Д. А.* Героический эпос унгинских бурят : указатель произведений и их вариантов / Д. А. Бурчина. — Новосибирск : Наука, 2007. — 542 с. — ISBN 978-5-02-032395-7.
6. *Гэсэр*. Бурятский народный героический эпос : в 2 томах / сводный текст Н. Балдано ; пер. В. Солоухина. — Улан-Улэ : Бур. кн. изд-во, 1986. — Т. 1. — 288 с.
7. *Дыырай Бэргэн* : олонхо / сказ. У. Г. Нохсоров. — Якутск : Бичик, 2009. — 333 с. — ISBN 978-5-7696-3147-4. (на якут. яз.).
8. *Идегей* : татарский народный эпос / пер. С. Липкина. — Казань : Тат. кн. изд-во, 1990. — 256 с. — ISBN 5-298-00896-8.
9. *Исторические* предания и рассказы якутов : в 2 ч. / сост. Г. У. Эргис, ред. А. А. Попов. — Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. — Ч. 1. — 323 с. (на якут. и рус. яз.)
10. Каженкин, 2000 — *Сахаларга түүлү тойоннооһун* = Толкование сновидений у якутов / сост. И. И. Каженкин. — Якутск : Бичик, 2000. — 88 с. (на якут. яз.)
11. *Кан Перген* / сказ. П. И. Кыдыяков // Шорские героические сказания. — Новосибирск : Наука, 1998. — С. 263—321. (на шорск. и рус. яз.).
12. КБРС — *Карачаево-балкарско-русский словарь* / С. А. Гочияева, Х. И. Суюнчиев ; под ред. Э. Р. Тенишева, Х. И. Суюнчиева. — Москва : Рус. яз., 1989. — 832 с.
13. *Кыыдааннаах кыыс бухаатыр* : олонхо / сказ. М. Н. Горохов. — Якутск : Бичик, 2016. — 205 с. — ISBN 978-5-7696-4964-6. (на якут. яз.)
14. *Кэнэли Хаадыт* : олонхо / сказ. Н. М. Захаров // Горнай олонхолоро = Олонхо Горного района. — Якутск : Бичик, 2010. — С. 223—296. — ISBN 978-5-7696-3359-1. (на якут. яз.).
15. *Маадай Кара* : алтайский героический эпос / сказ. А. Калкин ; пер. А. Плитченко. — Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1979. — 271 с.
16. *Могучий Эр Соготох* : якутский героический эпос / сказ. В. О. Каратаев. — Новосибирск : Наука, 1996. — 437 с.
17. *Мүгүлү Бөжө* : олонхо / сказ. Г. М. Тарасов // Горнай олонхолоро = Олонхо Горного района. — Якутск : Бичик, 2010. — С. 15—150. — ISBN 978-5-7696-3359-1.
18. *Мүлдү Бөжө* : олонхо / сказ. И. А. Николаев. — Якутск : Бичик, 2012. — 253 с. — ISBN 978-5-7696-3489-5.
19. *Нарты*. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. — Москва : Наука — Вост. лит., 1994. — 656 с. (на карач.-балк. и рус. яз.).
20. *Нюргун Боотур* Стремительный : олонхо / сказ. К. Г. Оросин. — Якутск : Як-ГИЗ, 1947. — 410 с. (на якут. и рус. яз.).

21. СЯЯ — *Словарь якутского языка* : в 3 т. / сост. Э. К. Пекарский. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958—1959. — 3858 стлб.
22. *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка : в 5 т. — Новосибирск : Наука, 2004. — Т. 3. — 440 с. — ISBN 5-02-032304-7.
23. *Тойон Ньургун* : якутское олонхо / сказ. И. М. Давыдов. — Якутск : Бичик, 2003. — 240 с. — ISBN 5-7696-1726-8.
24. *Тон Саар* Бухатыыр : якутское олонхо / сказ. С. Н. Каратаев. — Якутск : Бичик, 2003. — 237 с. — ISBN 5-7696-1886-8.
25. *Уолусхан улаан* аттаах Уһук Туйгун бухатыыр : олонхо / сказ. П. М. Терютина. — Якутск : Изд. дом СВФУ, 2015. — 192 с. — ISBN 978-5-7513-2123-9.
26. *Уөлэн Кыырдьыт* : олонхо / сказ. В.Н. Попов. — Якутск : Сайдам, 2009. — 224 с. — ISBN 978-5-7513-2332-5.
27. *Элик Боотур* Ньыгыл Боотур икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1907. — Ч. 1. — Выпуск 1. — С. 311—395. (на якут. яз.).
28. *Якутские сказки* : в 2 т. / подгот. Г. У. Эргис, отв. ред. Л. Н. Харитонов. — Якутск : Як. кн. изд-во, 1967. — Т. 2. — 292 с. (на якут. и рус. яз.).

Литература

1. *Боура С. М.* Героическая поэзия / С. М. Боура ; пер. с англ., вступит. ст. Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. — Москва : НЛЮ, 2002. — 791 с. — ISBN 5-86793-207-9.
2. *Бутанаев В. Я.* Представления о небесных светилах в фольклоре хакасов / В. Я. Бутанаев // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. — 1975. — Выпуск 20. — С. 231—240.
3. *Емельянов Н. В.* Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1980. — 375 с.
4. *Емельянов Н. В.* Сюжеты олонхо о родоначальниках племени / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1990. — 208 с.
5. *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос : избранные труды / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1974. — 727 с.
6. *Канокова Ф. Ю.* Герменевтика мотивов различных видов орнамента в художественном войлоке ногойцев / Ф. Ю. Канокова // Успехи современной науки. — 2016. — № 10. — С. 166—171.
7. *Малкондуев Х. Х.* Особенности тюрко-монгольских архаических мотивов в карачаево-балкарском фольклоре / Х. Х. Малкондуев // Фольклор монгольских народов : историческая действительность. Материалы международного конгресса (2—5 октября 2013 г., г. Элиста). — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2013. — С. 68—81.
8. *Мелетинский Е. М.* «Эда» и ранние формы эпоса / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука, 1968. — 364 с.
9. *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции / С. Ю. Неклюдов. — Москва : Наука, 1984. — 309 с.
10. *Ооржак А. Ч.* Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / А. Ч. Ооржак. — Кызыл, 2022. — 274 с.
11. *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе / Г. Н. Потанин. — Москва : [б. и.], 1899. — 893 с.
12. *Пухов И. В.* Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо / И. В. Пухов. — Якутск : Изд-во СО РАН, 2004. — 326 с. — ISBN 5-8176-0052-8.

13. Райхл К. Тюркский эпос : традиции, формы, поэтическая структура / К. Райхл. — Москва : Вост. лит., 2008. — 383 с. — ISBN 978-5-02-036358-8.
14. Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае / Б. Л. Рифтин. — Москва : Наука, 1970. — 482 с.
15. Романова Е. Н. Мифология и ритуал в якутской традиции: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.07 / Е. Н. Романова. — Москва, 1999. — 388 с.
16. Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо : пространственная организация и сюжетики / Л. Н. Семенова. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. — 232 с. — ISBN 5-85803-320-2.
17. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : лексика : монография / авторы статей : Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др. — Москва : Наука, 1997. — Т. 4. — 799 с.
18. Урай-Кёхальми К. Некоторые фольклорные данные о роли лука и стрелы в свадебных обрядах / К. Урай-Кёхальми // Исследования по восточной филологии : к 70-летию проф. Г. Д. Санжеева. — Москва : ГРВЛ, 1974. — С. 256—260.
19. Хаджиева Т. М. Наргский эпос балкарцев и карачаевцев / Т. М. Хаджиева // Наргты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. — Москва : Наука — Вост. лит., 1994. — С. 8—66.
20. Хаджиева Т. М. Кавказская Нартиада : опыт сопоставительного исследования / Т. М. Хаджиева // Монголоведение. — 2018. — № 15. — С. 124—142. — DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2018-15-124-142>.
21. Холаев А. З. Карачаево-балкарский наргский эпос / А. З. Холаев ; отв. ред. А. И. Алиева. — Нальчик : Эльбрус, 1974. — 143 с.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024,
одобрена после рецензирования 31.08.2024,
подготовлена к публикации 05.09.2024.

Material resources

- Ala Bulkun: Yakut olonkho.* (2008). Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. 101 p. (In Yakut).
- Anokhin, A. V. (1924). Materials on shamanism among the Altaians, collected during a guide to Altai in 1910—1912. In: *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences*, 4 (2): Leningrad: [b. i.]. 148 p. (In Russ.).
- Berezkin, Yu. E., Duvakin, E. N. *Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by area: analytical catalog*. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (accessed 04.05.2024).
- Boktug-Kirish, Bora-Sheley. (1997). In: *Tuvan heroic tales*. Novosibirsk: Nauka. 299—527.
- Burchina, D. A. (2007). *The heroic epic of the Unga Buryats: index of deeds and their variants*. Novosibirsk: Nauka. 542 p. ISBN 978-5-02-032395-7.
- Dvirai Bergan: olonkho.* (2009). Yakutsk: Bichik. 333 p. ISBN 978-5-7696-3147-4. (in Yakut.).
- Elik Bootur Nygyl Bootur ikki. (1907). In: *Images of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky, 1 (1)*: St. Petersburg: [b. i.]. 311—395. (In Yakut.).
- Ergis, G. U. (ed.). *Yakut fairy tales: in 2 volumes*, 2. (1967). Yakutsk: Yakutsk Publishing House. 292 p. (In Yakut. and Russ.).
- Geser. Buryat folk heroic epic: in 2 volumes*, 1. (1986). Ulan-Ula: Yellow. Publishing house. 288 p. (In Russ.).

- Historical legends and stories of the Yakuts: in 2 hours, I.* (1960). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 323 p. (In Yakut. and Russ.).
- Idegey: Tatar folk epic.* (1990). Kazan: Tat. publishing house. 256 p. ISBN 5-298-00896-8. (In Russ.).
- Kan Pergen. (1998). In: *Shor heroic tales*. Novosibirsk: Nauka. 263—321. (In Shorsk. And Russ.).
- Kaneli Haadyt: olonkho. (2010). In: *Gornai olonholoro = Olonkho of the Gorny district*. Yakutsk: Bichik. 223—296. ISBN 978-5-7696-3359-1. (In Yakut).
- Kazhenkin, 2000 — *Sakhalarga tuulu toyonnoohun = Interpretation of dreams among the Yakuts.* (2000). Yakutsk: Bichik. 88 p. (In Yakut.).
- KBRs — *Karachay-Balkarian-Russian dictionary.* (1989). Moscow: Rus. yaz. 832 p. (In Russ.).
- Kydaannaah kyys bukhaatar: olonkho.* (2016). Yakutsk: Bichik. 205 p. ISBN 978-5-7696-4964-6. (In Yakut.).
- Maadai Kara: Altai heroic epic.* (1979). Gorno-Altaysk: Alt. book publishing house. 271 p. (In Russ.).
- Mighty Er Sogotokh: the Yakut heroic epic.* (1996). Novosibirsk: Nauka. 437 p. (In Russ.).
- Mugulu Bokho: olonkho. (2010). In: *Gornai olonholoro = Olonkho of the Gorny district*. Yakutsk: Bichik. 15—150. ISBN 978-5-7696-3359-1. (In Yakut).
- Muldu Bokho: olonkho.* (2012). Yakutsk: Bichik. 253 p. ISBN 978-5-7696-3489-5. (In Yakut.).
- Nyurgun Bootur the Impetuous: olonkho.* (1947). Yakutsk: Yakgiz. 410 p. (In Yakut. and Russ.).
- Sleds. (1994). *The heroic epic of the Balkars and Karachays*. Moscow: Nauka-Vostochny lit. 656 p. (In karach. - the bulk. and Russ.).
- Syas-Dictionary of the Yakut language: in 3 volumes.* (1958—1959). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 3858 stlb.
- Tatarintsev, B. I. (2004). *Etymological dictionary of the Tuvan language: in 5 volumes, 3.* Novosibirsk: Nauka. 440 p. ISBN 5-02-032304-7.
- Toyon Nyurgun: Yakut olonkho.* (2003). Yakutsk: Bichik. 240 p. ISBN 5-7696-1726-8. (In Yakut.).
- Tor Saar Bukhatyr: Yakut olonkho.* (2003). Yakutsk: Bichik. 237 p. ISBN 5-7696-1886-8. (In Yakut.).
- Ülen Kyrdyt: olonkho. (2009). Yakutsk: Saidam. 224 p. ISBN 978-5-7513-2332-5.
- Valushan ulaan attah Ukhuk Tuigun bukhatyr: olonkho.* (2015). Yakutsk: Publishing House of NEFU. 192 p. ISBN 978-5-7513-2123-9. (In Yakut).

References

- Bowra, S. M. (2002). *Heroic poetry*. Moscow: UFO. 791 p. ISBN 5-86793-207-9. (In Russ.).
- Butanaev, V. Ya. (1975). Representations of celestial bodies in Khakass folklore. *Scientific notes of the Khakass Research Institute*, 20: 231—240. (In Russ.).
- Comparative historical grammar of the Turkic languages: Vocabulary: monograph, 4.* (1997). Moscow: Nauka. 799 p. (In Russ.).
- Kanokova, F. Yu. (2016). Hermeneutics of motifs of various types of ornament in the artistic felt of nogaitsev. *Successes of modern science*, 10: 166—171. (In Russ.).
- Khadzhieva, T. M. (2018). Caucasian Nartiada: the experience of comparative research. *Mongolian studies*, 15: 124—142. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2018-15-124-142>. (In Russ.).

- Khadzhieva, T. M. (1994). The Nart epic of the Balkars and Karachays. In: *Narty. The heroic epic of the Balkars and Karachays*. Moscow: Nauka — Vostochnaya lit. 8—66. (In Russ.).
- Kholaev, A. Z. (1974). *Karachay-Balkar Nart epic*. Nalchik: Elbrus. 143 p. (In Russ.).
- Malkonduev, H. H. (2013). Features of Turkic-Mongolian archaic motifs in Karachay-Balkarian folklore. In: *Folklore of the Mongolian peoples: historical reality. Proceedings of the International Congress (October 2—5, 2013, Elista)*. Elista: Publishing House of Kalm. Unita. 68—81. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (1968). *“Edda” and early forms of the epic*. Moscow: Nauka. 364 p. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1984). *The heroic epic of the Mongolian peoples: oral and literary traditions*. Moscow: Nauka. 309 p. (In Russ.).
- Oorzhak, A. Ch. (2022). *Vocabulary of dishes and household utensils in the Tuvan language and its dialects*. PhD Diss. Kyzyl. 274 p. (In Russ.).
- Potani, G. N. (1899). *Oriental motifs in the medieval European epic*. Moscow: [b. i.]. 893 p. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2004). *Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and Yakut olonkhos*. Yakutsk: Publishing House of the SB RAS. 326 p. ISBN 5-8176-0052-8. (In Russ.).
- Reichl, K. (2008). *The Turkic epic: traditions, forms, poetic structure*. Moscow: East lit. 383 p. ISBN 978-5-02-036358-8. (In Russ.).
- Riftin, B. L. (1970). *Historical epic and folklore tradition in China*. Moscow: Nauka. 482 p. (In Russ.).
- Romanova, E. N. (1999). *Mythology and ritual in the Yakut tradition*. Doct. Diss. Moscow. 388 p. (In Russ.).
- Semenova, L. N. (2006). *The epic world of olonkho: spatial organization and plot*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 232 p. ISBN 5-85803-320-2. (In Russ.).
- Urai-Kehalmi, K. (1974). Some folklore data on the role of the bow and arrow in wedding ceremonies. In: *Studies in Oriental philology: to the 70th anniversary of Prof. G. D. Sanzhev*. Moscow: GRVL. 256—260. (In Russ.).
- Yemelyanov, N. V. (1990). *Olonkho plots about the ancestors of the tribe*. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Yemelyanov, N. V. (1980). *Plots of Yakut olonkho*. Moscow: Nauka. 375 p. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1974). *The Turkic heroic Epic: selected works*. Leningrad: Nauka. 727 p. (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2024;
approved after reviewing 31.08.2024;
accepted for publication 05.09.2024.*